

Содержание

Психолог Наталия Инина

Красота — загадка Бога

Введение. «Красота спасет мир...»	8
Сила к преодолению и мужество перед вызовом жизни	17
Радость принятия себя, своей индивидуальности	27
Смирение и мудрость как красота	42
Мужская красота — быть или казаться	51
Женская красота — дар, проклятье или товар	61
Зрелость и старость как внутренняя красота	71

Протоиерей Павел Карташев

«Красивое — оно и доброе...»

Красота как врожденный дар быть сотворцом	86
Красота как основа целостности	89
Красота в искусстве	95
Красота и индивидуальность	98
Красота в верности и в искусстве жить	102
Красота в мужестве и жертвенности	107
Спорт и «индустрия красоты»	116
Красота в литературе и поэзии	118
О красоте старости	135

Приложение

Глеб Успенский. Выпрямила

(Отрывок из записок Тяпушкина)

139

Протоиерей Павел Карташев

Желание распрямиться

(На очерк Глеба Успенского «Выпрямила»)

151

Психолог Наталия Инина

Красота — загадка Бога

*«Красота — это страшная и ужасная вещь!
Страшная, потому что неопределимая,
а определить нельзя, потому что Бог задал
одни загадки.*

*Тут берега сходятся, тут все противоречия
вместе живут... Ужасно то, что красота есть
не только страшная, но и таинственная
вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле
битвы — сердца людей...»*

Ф.М. Достоевский

Введение. «Красота спасет мир...»

«Красота спасет мир», — сказал Федор Достоевский. Николай Рерих уточнил: «Осознание красоты спасет мир». А наш современник Иосиф Бродский добавил: «Мир спасти, вероятно, уже не удастся, но отдельного человека всегда можно».

В чем же суть красоты, ее спасительная сила? Почему на нее уповают, над ней размышляют великие умы человечества? Почему красота затрагивает любого человека, независимо от возраста, пола, образования и национальности?

«Красота спасет мир», — провозглашают устроители бесконечных конкурсов красоты, на которых молодые красавицы готовы продемонстрировать миллионам зрителей свои юные прелести. Эти слова давно стали девизом тех, для кого красота — это товар, беспроектный и доходный.

Вспомним все же историю вопроса — кто произносит эти слова, давно ставшие самостоятельным афоризмом? Достоевский вкладывает их в уста главного героя романа «Идиот» князя Мышкина. Точнее, слова эти приписывает князю другой персонаж, малозначительный, завидующий князю Ипполит Терентьев, и произносит их насмешливо, как несусветную глупость. Разгадка этого странного шага — соединения великих слов (с которыми солидарен и сам автор) с мелким персонажем, произносящим их, — будет дана Достоевским в другом романе — «Братья Карамазовы». Дмитрий

Карамазов говорит следующее: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей...»

Иными словами, речь идет не просто о красоте как таковой, красоте природы, мироздания, а о ее роли в становлении человека, его личности, его судьбы. Красота не спасает мир, она призвана либо способствовать нашему спасению, либо противодействовать ему. Булгаков как-то назвал творчество Пикассо «трупом красоты» — и это тоже о красоте, но красоте особого рода.

Весь двадцатый век был иллюстрацией того, как насилие спекулировало на красоте. Тоталитарные режимы эстетизировали свою человеконенавистническую политику, создавая собственную эстетику — особую красоту, подавляющую, властвующую, захватывающую души в плен. Достаточно вспомнить невероятные факельные шествия гитлеровской Германии, роскошные парады на Красной площади во времена Сталина, монументальные скульптуры, уносящиеся под небеса, и так далее. Эстетизация политики и политизация искусства — основные лозунги тоталитаризма — приводили к тому, что красота начинала служить злу, жестокости, алчности. Но был и другой вектор: потеря нравственных и духовных скреп приводила к подмене красоты безобразием, на смену красоте приходило уродство, которое становилось «иконой», точнее идолом. Можно привести слова Владимира Соловьёва в защиту красоты: «Странно кажется возлагать на красоту

спасение мира, когда приходится спасать саму красоту от художественных и практических опытов, старающихся заменить идеально-прекрасное реально-безобразным».

Смысл трагических периодов в истории красоты открывает Достоевский в набросках к роману «Подросток». Он пишет о том, что «будущий антихрист будет пленять красотой. Помутнятся источники нравственности в глазах людей...».

Опять мы возвращаемся к идее двойственности красоты, к этой «мучительной загадке бытия». Что же все-таки стоит за прекрасными словами: «Красота спасет мир»?

Вспомним дивные строки Владимира Соловьёва:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий!

Это призыв к созерцанию той незримой, совершенной, Божественной красоты, которую мы ощущаем, угадываем, соприкасаясь с видимой красотой этого мира. Мы душой, сердцем прозреваем что-то иное, высокое и прекрасное, и наш эстетический восторг преобразуется в мистический трепет. Созерцая такую красоту, мы входим в соприкосновение с сутью, а не

с внешней оболочкой видимого, мы прозреваем невидимое. «Красота — это совершенная приобщенность к совершенной Красоте», — говорил Достоевский, под-разумевая Бога.

Но почему тогда человек так легко впадает в обратное состояние? Почему один, глядя на прекрасное дерево, стоящее на опушке леса, начнет сочинять стихи, а другой увидит в нем лишь будущие стройматериалы?

Вопросов здесь больше, чем ответов...

Главная проблема состоит в том, что человек живет в пространстве двух миров, двух измерений — духовного и материального. Вспомним прекрасные стихи Фёдора Тютчева, тонко и поэтично напоминающие нам об этом:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так ты — жилища двух миров,
Твой день — болезненный и страстный.
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

С небес и из глубины души мы слышим зов Творца, в котором жизнь, гармония, свобода, полнота. Мы

стремимся к ней, тоскуем по ней, пытаемся дотянуться до нее. Реальность этого духовного мира столь же очевидна, сколь очевиден мир материальный, но цена, которую мы платим, чтобы стать зрячими, открытыми этому духовному измерению, велика — это возможность, а вовсе не предопределенность нашей жизни. Мы можем войти в это прекрасное творческое бытие лишь возрастая личностно, нравственно, духовно, постепенно готовя свое сердце к встрече с невыразимым и прекрасным, частью которого мы можем стать. Но человек представлен и другому миру — миру материи, телесности, очевидности, миру естественного порядка. И в этом мире иные законы — закон силы, закон инстинкта, закон большинства... Эти законы дикой природы вошли и в человеческий мир, наполненный насилием, жестокостью, алчностью, завистью, ненавистью. Эти печальные условия выживания — плата за грехопадение человека, за утрату связи между Творцом и творением. Природа смертельно ранена грехопадением человека и платит по его счетам. Духовная задача человека, как учат святые отцы Церкви, состоит в том, чтобы преобразовать самого себя, подняться над собственным грехом, победить вслед за Христом смерть в себе, выбрав Жизнь, и тем самым спасти весь мир, вернув его Творцу и Создателю.

Однако между реальным человеком и такой грандиозной духовной задачей стоит целая жизнь, состоящая из бесконечных маленьких и больших выборов, поступков, преодолений. Образ пути можно сравнить с восхождением или падением. Человек либо стремится вверх, порой мучительно преодолевая трудности,

страдая, изнывая от усталости, либо стремительно и легко, а порой и весело, катится вниз. Путь вверх всегда труден и сложен, он требует напряжения и сосредоточенности, путь вниз всегда легок и прост, надо просто расслабиться и отключиться. Правда, финал несопоставим — в одном случае мы стоим на вершине, созерцая красоту и величие окружающего мира, в другом — падаем в пропасть, и если останемся живы, то увидим лишь мрачное и пустынное дно. Стоит ли говорить, что на пути как вверх, так и вниз будет своя красота. В первом случае это — красота смысла, верность цели, стремление к идеалу, жажда совершенства, мужество поступка. В итоге — обретение собственной личности, внутренней гармонии, глубинной связи с самим собой, с миром и с Богом. Во втором случае — красота соблазна, легкость безответственности, оправдание успехом. В итоге — страх, тревога, потеря самого себя, чувство обманутости и подмены.

Теперь давайте отойдем от этих выразительных аллегорий и погрузимся в реальную человеческую жизнь. Я еще ни разу не встречала человека, который бы либо все время карабкался вверх, либо все время катился вниз. Каждый из нас знаком и с тем и с другим состоянием.

Иоанн Лествичник писал о том, что не падают разве что ангелы, а живой человек каждый день то падает, то встает. Но важно удерживать вектор движения, не терять из виду главную цель и смысл нашего земного путешествия. Чтобы не сбиться с пути, у нас есть некие навигаторы, внутренние критерии того, что мы на верном пути. Один из них — это наше восприятие красоты. И богословы, и философы, и психологи сходятся в том,

что способность воспринимать красоту всегда связана с возможностью отстраниться от самого себя, точнее говоря — от собственного Эго.

Митрополит Антоний Сурожский¹ предлагал такое сравнение: когда крестьянин смотрит на поле, засеянное пшеницей, он видит прежде всего свой будущий урожай, свой хлеб насущный. Это взгляд реалистичный, практичный, взгляд заинтересованного в результате человека. Глазам же странника предстает уже совершенно иное поле: струящиеся потоки ветра, волны колышущихся трав, дыхание земли... Он видит красоту и тайну бытия, глядя на то же самое поле. Конечно, взгляд крестьянина тоже важен и ценен, ведь кто-то должен заботиться и о хлебе насущном.

Но стоит вспомнить евангельскую историю о Марфе и Марии из Евангелия от Луки: *Пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: «Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне». Иисус же сказал ей в ответ: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10: 38—42).*

Иными словами, человек должен удерживать в себе «небо», помня о «земле». Если это соподчинение, эта иерархия живет в душе, то пути к обретению собственной

¹ Митрополит Сурожский Антоний (Блум; 1914—2003) — епископ Русской Православной Церкви, религиозный философ, проповедник.

личности, внутренней целостности и гармонии не только открыты, но и возможны.

Если вернуться к духовному предназначению человека, состоящему в преображении себя и мира, в одухотворении естественной, материальной природы и восстановлении ее связи с Творцом, то главным инструментом этого преобразования является сам человек — его личность, его нравственный выбор, его духовный ориентир. И в этом плане красота оказывается, согласно Фёдору Михайловичу Достоевскому, одновременно внешним магнитом и внутренним камертоном, определяющим главное, сущностное направление движения.

Если нас влечет, притягивает нечто чистое и прекрасное и что-то в нас глубинно откликается на этот зов, если ради этого возвышенного идеала мы готовы забыть о себе, о своем комфорте и удобстве, — значит, наш вектор движения верен, поскольку он устремлен к истине, а не к удовлетворению собственного Эго. Если, напротив, нас привлекает и манит нечто великолепное, соблазнительное, но при этом мы заглушаем тот тихий голос души, что сопротивляется этому притяжению, и устремляемся на встречу, обещающую нам удовольствие, наслаждение и экстаз, — значит, мы на ложном пути, ведущем в обратную от истины сторону.

Выбирая этот путь, мы обречены до времени кружиться вокруг собственной оси, пытаясь удовлетворить ненасыщаемое Эго, поскольку насытить его невозможно. До времени, — поскольку, ставя материю во главу угла, мы не побеждаем смерть, а побеждаемся ею, исчезая в небытии, в котором нет ни жизни, ни

радости, ни красоты. Этот экзистенциальный² промах в огромной степени является причиной большинства духовных и психологических катастроф, обрушившихся на бедную голову человека и человечества в целом.

² *Экзистенциализм* (фр. *existentialisme* от лат. *existentia* — «существование») — направление в философии XX в., акцентирующее свое внимание на уникальности человеческого бытия и провозглашающее его иррациональным. Отличается, прежде всего, идеей преодоления (а не раскрытия) человеком собственной сущности и акцентом на глубине эмоциональной природы.

Сила к преодолению и мужество перед вызовом жизни

Современный мир поражает уровнем цивилизационных и технических возможностей. Мы освоились в космосе, в земных недрах, мы заигрываем с геномом человека, поговаривая о бессмертии, за сутки мы перелетаем континенты. Иными словами, человечество почти победило материю мироздания. Правда, не хочется вспоминать о том, что один маленький полиэтиленовый пакетик, миллионы которых производятся и потребляются в цивилизованном мире, разлагается в освоенном нами мироздании примерно триста лет. Стоит ли напоминать об островах мусора, плавающих рядом с Японией, или о том, что одна Америка производит отходов столько, что нам понадобилось бы еще десять таких планет, как Земля, для их переработки. И это о той же материи... Надо ли говорить о том, что никакая современная технология не может избавить человека от горя, страданий, страхов, тревог, она не сможет защитить его от боли потери, от страха смерти, от пустоты в душе, если смысл жизни утрачен... Она не имеет и, слава Богу, никогда не будет иметь возможности «освоить» душу человека, превратив ее в очередной мусорный остров. Однако попытки атаковать сознание человека не новы, а современные технологии — реклама, ТВ и прочие — позволяют усовершенствовать эти манипуляции до виртуозного уровня...

Протоиерей Александр Шаргунов в своей книге «Культура и антикультура» (М., 2014) выносит мрачный,

но точный приговор современной реальности: человечество выиграло, человек проиграл. Но неужели все так печально и безнадежно? Неужели человек окончательно пленен общественными целями и задачами, ведущими к триумфальной победе материи над духом? Не хочется признавать этот факт, но пленение происходит, однако оно возможно лишь в том случае, если человек не сопротивляется, не преодолевает всеобщую энтропию³, а плывет по течению, точнее скользит вниз вместе с остальными счастливыми членами общества потребления. Но это вовсе не приговор! Путь спасения, хоть и узкий, есть всегда. Он состоит в личностном становлении самого человека, его духовном и психологическом взрослении и, как следствие, способности брать ответственность за свою жизнь на себя, выдерживая груз свободы и возможного одиночества.

И на этом пути самостановления без психологии не обойтись. Конечно, все не сводится к одной психологии. Однако человек является в огромной степени психологическим существом. Человеческая психика работает 24 часа в сутки даже тогда, когда человек спит и видит сны. Все, что мы чувствуем, воспринимаем, отражаем, осознаем, отвергаем, все, чего мы боимся, чем восхищаемся, к чему стремимся, обо что спотыкаемся, — все это и есть наша психология. Через психологию мы взаимодействуем с собственным телом, благодаря ей мы переживаем и духовные состояния. Психология — это

³ *Энтропия* (от др.-греч. *ἐντροπία* — «поворот», «превращение») — здесь: расщепление, распад, неминуемо ведущий к гибели. В широком смысле, в каком слово часто употребляется в быту, энтропия означает меру неупорядоченности системы; чем меньше элементы системы подчинены какому-либо порядку, тем выше энтропия.

наш способ связи с реальностью, и от того, насколько она здорова, прозрачна и гармонична, зависит тот образ мира, который мы воспринимаем своим сознанием. Она может способствовать нашему взлету, подъему, восхождению, а может серьезно мешать, тормозить, препятствовать ему. Мы сталкиваемся с бесконечными подменами, бесчисленными «кривыми зеркалами» именно психологического, а вовсе не духовного плана. Мы погребены под завалами психологии, она определяет наше восприятие, оценку событий, она ответственна за картину мира, за нашу мотивацию, за постановку целей, определение смыслов, оправдание подлостей, подмену ценностей. Зависть, злость, обида, жадность, тревога, страх, но и радость, открытость, доброта, щедрость, альтруизм — все эти и другие чувства проходят фильтр нашей психологии. Человека никто не учит анализировать происходящее с ним, он не умеет этого делать и, строго говоря, не очень к этому стремится. Всем хочется «жить проще», то есть «не напрягаться» попытками понять подлинные мотивы собственного и чужого поведения. Человек предпочитает элементарную дихотомию: «добро — зло», «хорошо — плохо», «белое — черное», причем эти крайности носят вполне условный характер. В таком «простом» мире проще жить, не надо думать, а в случае неудачи можно обвинить кого угодно, только не самого себя. Такая простейшая жизненная схема устраивает подавляющее большинство людей, и их можно понять, ведь стоит хотя бы раз всерьез задуматься о жизни, и мы сразу попадаем в другую реальность, в которой нет ясных и простых ответов, похожих на детские схемы. В этой иной — духовной реальности, пронизанной свободой и ответственностью,

придется самому определять, как надлежит вести себя в той или иной ситуации, самому отвечать за последствия и выдерживать груз неопределенности.

Столкновение с трудностями, кризисами, опыт боли, болезни, потеря внутреннего покоя, утрата смысла жизни — эти удары судьбы субъективно воспринимаются нами как нечто ужасное. Мы молимся, надеемся, уповаем на то, что нам повезет и мы избежим всех этих трудностей и испытаний. Однако именно преодоление трудностей, мужество встретить страдания лицом к лицу помогают нам подняться над собой и своей психологией, преодолеть собственное Эго и возрасти в меру нашей личности, нашего духовного предназначения.

Помню, как-то мне довелось общаться с удивительной женщиной. Она поражала всех, кто имел счастье быть с ней знакомым, своей мудростью, внутренней силой, стойкостью и личностной красотой. Я поделилась с ней своим наблюдением: «Когда вы начинаете говорить, все вокруг замолкает и внимают вашим словам». Ее ответ я запомнила навсегда: «Когда я была моложе, мне очень хотелось быть услышанной, но на меня никто не обращал внимания. Только когда я потеряла своих близких и с трудом пережила эту потерю, я обратила внимание на то, что люди действительно стали слушать меня». Ее скромность не позволяла ей в полной мере выразить тот трепет, с которым люди относились к ней, но я помню их глубочайшее уважение, восхищение и любовь. Я смотрела на эту женщину и видела в ней невероятную красоту души, силу любви и мужество жизни. Она не замкнулась в себе, она не провалилась в самосожаление, а, наоборот, развернулась к миру. Ее взгляд, устремленный на других людей, был полон

сострадания, теплоты, доброты, чуткости и понимания. И каждый, кто общался с ней, возвышался над собой, как бы совпадая с тем образом, который в нем видела эта женщина.

На этом примере мы можем увидеть, как встречаются в человеческой душе психологическая реальность и реальность духа. Та психология, которая застилает нам почти все духовное небо над головой, которая атакует нас бесконечными комплексами, потребностями, зависимостями, тревогами и так далее, была преодолена этой женщиной, преобразована ее личностным усилием в прекрасное целостное бытие, в котором смогли ужить-ся и соотнестись все уровни человеческой природы — телесный, психологический, душевный и духовный.

О психологии преодоления блестяще говорил выдающийся ученый Виктор Франкл⁴. Его личный опыт преодоления концлагерей в период Второй мировой войны, а также его профессиональные наблюдения как за собой, так и за другими людьми, оказавшимися в столь чудовищных условиях, позволили ему не просто теоретически, а вполне практически доказать следующую мысль: когда человек сталкивается с испытанием, он пытается избежать его, он говорит «Нет!» происходящему с ним. Он замыкается, уходит в себя, обижается на жизнь, на судьбу, на людей, но выбор такой «стратегии» всегда ведет в тупик, он бессмыслен и бесперспективен, поскольку не поможет преодолеть, выдержать то, что происходит с нами. Франкл считал, что человек,

⁴ Виктор Франкл (1905—1997) — австрийский психиатр, психолог и невролог; создатель логотерапии — метода экзистенциального психоанализа.